

ОЛЬГА
ДАШКОВА

ПОСЛЕ РАЗВОДА ТЫ МЕНЯ ПОТЕРЯЛ НАВСЕГДА

Ольга Викторовна Дашкова

После развода. Ты меня потерял навсегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73556563

SelfPub; 2026

Аннотация

– Шесть лет ты врал мне в глаза! Шесть лет я была дурой, которая верила в счастливый брак!

– Ты не понимаешь...

– Что я не понимаю? Что мой муж шесть лет содержит вторую семью? Что пока я мечтала о втором ребенке, ты его уже воспитывал с другой?

– Хватит истерики! Ты хочешь правду? Получи. Да, у меня есть дочь от Карины. Да, я ее люблю больше, чем когда-либо любил тебя. Потому что с ней я чувствую себя живым!

Каждое слово как нож в сердце. Но это еще не все.

– А знаешь почему? Потому что она женщина, а не высохшая домохозяйка. Потому что с ней интересно в постели, а не лежать как бревно. Потому что она не станет развалиной в сорок четыре года!

Содержание

ГЛАВА 1. ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ	4
ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ	10
ГЛАВА 3. КРОВАВАЯ ГОДОВЩИНА	16
ГЛАВА 4. НОЧЬ РАЗРУШЕНИЯ	23
ГЛАВА 5. ВОЙНА ЗА ДОСТОИНСТВО	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Дашкова

После развода. Ты меня потерял навсегда

ГЛАВА 1. ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Я всегда считала, что у меня идеальный брак. Двадцать лет с Александром – двадцать лет счастья, как мне казалось тогда. Как же я ошибалась.

Сегодня утром я проснулась с особенным чувством. Завтра наша годовщина свадьбы, и я уже неделю готовлю сюрприз. Зарезервировала столик в том самом ресторане, где Саша сделал мне предложение, заказала торт в нашей любимой кондитерской.

Даже купила новое платье – элегантное черное, которое подчеркивает фигуру. Через два месяца мне исполнится сорок пять, и хотя я все еще неплохо выгляжу, в последнее время ловлю себя на том, что слишком пристально рассматриваю отражение в зеркале, замечая, как время оставляет свои следы.

– Саш, ты не забыл про завтра? – спрашиваю, подавая ему кофе. Муж сидит за завтраком, уткнувшись в телефон.

– М-м? – даже не поднимает глаз.

– Про нашу годовщину, – повторяю, стараясь не раздражаться. – Двадцать лет, как мы поженились.

– Ах да, конечно, – Саша наконец смотрит на меня, но взгляд какой-то рассеянный. – Слушай, Вик, у меня могут быть проблемы с завтрашним вечером. Важные переговоры.

Сердце неприятно екает. Не может быть. Не в такой день.

– Какие переговоры? Ты же знал про годовщину. Мы планировали это уже месяц.

– Появился срочный клиент. Крупная сделка, – Саша встает, целует меня в щеку торопливо, почти формально. – Постараюсь освободиться, хорошо?

Уходит, а я остаюсь стоять на кухне с чашкой остывшего кофе. Что-то не так. Раньше Саша никогда не ставил работу выше наших важных дней. Раньше он помнил все наши даты лучше меня.

Весь день пытаюсь отогнать тревожные мысли. Занимаюсь работой, у меня несколько проектов по дизайну интерьеров, клиенты довольны. Но концентрация никуда не годится. В голове крутятся странности последних лет.

Да, лет – не месяцев.

Саша стал отстраненным постепенно. Особенно после того, как наш сын Максим поступил в университет в Лондоне три года назад. «Теперь можем пожить для себя,» – говорил Саша тогда. – «Детей больше не хочу. Хватит с нас одного. Лучше путешествовать будем, развлекаться».

Я мечтала о втором ребенке, но Саша был категоричен.

«В нашем возрасте поздно уже. Да и зачем? Максим растёт прекрасным парнем». Так он не говорил, когда мне еще было тридцать пять когда я заикнулась о втором ребенке.

А теперь он задерживается на работе все чаще. Раньше приходил к семи, теперь в девять, а то и позже. Говорит, что дела идут хорошо, много заказов. Я радовалась за него, архитектурная компания действительно на подъеме.

Но есть и другие мелочи. Он стал чаще принимать душ. Появились новые одеколоны – сразу несколько флаконов, которые он объяснил желанием «разнообразить образ». И эти странные звонки, после которых он выходит в другую комнату и говорит вполголоса, почти шепотом.

А еще командировки – все больше и больше.

– Не выдумывай, – говорю себе вслух. – У тебя просто кризис среднего возраста.

Кризис. Да, в сорок четыре хочется верить, что лучшее еще впереди. Максим вырос, стал самостоятельным, живет своей жизнью в Лондоне. Звонит раз в неделю, рассказывает об учебе, новых друзьях. Я скучаю по сыну, но понимаю, что он должен найти свой путь.

А мы с Сашей... мы как будто потерялись друг для друга, когда опустело гнездо.

Вечером муж приходит поздно. Я уже легла, но сон не шел.

– Как дела? – спрашивает, садясь на край кровати.

– Нормально. А у тебя?

– Устал. Эти переговоры...

Поднимаюсь, обнимаю его за плечи. Раньше такие объятия были естественными, а сейчас чувствую, как он слегка напрягается.

– Саш, может, все-таки отложим переговоры? Хотя бы до понедельника? Это же наша годовщина. Двадцать лет – это целая жизнь.

Он поворачивается ко мне, и на секунду в его глазах мелькает что-то странное. Раздражение? Или даже презрение?

– Вика, я же сказал – постараюсь. Это очень важная сделка. Не все же крутится вокруг наших семейных праздников.

Его тон резкий, почти грубый. Когда он стал так со мной разговаривать?

– Важнее нашей семьи?

– Не драматизируй. Один вечер не решает ничего. К тому же, Максим в Лондоне, мы одни – какая разница, отметим сегодня или через неделю?

Он идет в душ, а я лежу и смотрю в потолок. «Один вечер не решает ничего». «Какая разница». Когда он стал так говорить о нашей семье, о нашем браке?

Утром, убирая в его кабинете, Саша просил найти один важный договор, я случайно задеваю папку на краю стола. Она падает, и из нее высыпается содержимое. Среди деловых бумаг я замечаю что-то странное.

Чеки. Множество чеков из ресторанов. Я поднимаю их с дрожащими руками.

«Ле Гран», «Империя», «Савой» – это все не дешевые места. Но это не все.

В самом низу я нахожу кое-что еще более шокирующее. Справка из частной клиники о результатах анализа ДНК. Дата – полгода назад. Имя: Александр Владимирович Романов. Вывод: «Отцовство подтверждается с вероятностью 99,9%».

Ребенок: Софья Петрова. Дата рождения... пять лет назад. У Саши есть пятилетняя дочь. От другой женщины. Пока я мечтала о втором ребенке, он уже воспитывал его с любовницей.

Руки трясутся так сильно, что я едва могу удержать бумагу. В самом низу папки – кусочек записки явно женским почерком: «Соня спрашивает, когда папа придет. Она скучает. Я тоже скучаю, мой дорогой. Твоя К»

К – Мать его ребенка.

Сажу на полу среди разбросанных бумаг и понимаю, что вся моя жизнь – ложь. Пока я думала, что мы живем для себя, наслаждаемся свободой после того, как Максим вырос, мой муж растил вторую семью.

У него есть дочь, которой сейчас пять лет. Значит, роман длится минимум шесть лет. А я что делала все это время? Готовила ему ужины, стирала рубашки, радовалась его «успехам» на работе. Мечтала о путешествиях вдвоем, о том, как мы будем стареть вместе. А он делил себя между двумя семьями.

Теперь понимаю, почему он не хотел больше детей со

мной. Зачем ему еще один ребенок от жены, когда у него растет дочь от молодой любовницы?

Аккуратно складываю все бумаги обратно в папку, расставляю документы по местам. Внешне все как было. Но внутри меня что-то умерло окончательно.

Двадцать лет брака.

Двадцать лет обмана.

И завтра, в день нашей годовщины, я узнаю всю правду до конца

ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ

Не могу выкинуть этот тест ДНК из головы. У Саши есть пятилетняя дочь. Пока наш сын рос, он растил еще одного ребенка с другой женщиной. Всю ночь ворочаюсь, а Саша спит рядом так спокойно, будто у него нет никаких секретов.

Шесть лет. Минимум шесть лет двойной жизни. Сколько раз он говорил «еду в командировку» и ехал к ним? Сколько вечеров я ждала его дома, готовила ужин, а он читал сказки своей дочке от другой женщины?

К полудню я принимаю решение. Нужно узнать правду. Всю правду. Еду в офис Саши под предлогом пригласить его на обед.

Их архитектурная компания занимает два этажа в современном бизнес-центре. Я редко здесь бываю, Саша всегда говорил, что не любит смешивать работу и личную жизнь. Теперь понимаю почему.

– Виктория Сергеевна! – встречает меня секретарша Инна. – Какая неожиданность! Александр Владимирович на совещании.

– А долго он будет занят?

– Минут двадцать. Хотите подождать?

Киваю и усаживаюсь в зоне ожидания. Отсюда видно весь офис – open space с дизайнерскими рабочими местами. Молодые сотрудники, все как на подбор, красивые, амбициоз-

ные. И среди них женщина, которая сразу привлекает внимание.

Ей около тридцати, каштановые волосы собраны в элегантную прическу, стройная фигура в дорогом костюме. Красивая, но не кричаще, утонченная красота. Она руководит какой-то планеркой, и все вокруг слушают ее с явным уважением.

– Это кто? – спрашиваю у Инны, уже зная ответ.

– Карина Станиславовна Петрова, наш ведущий архитектор. Уже семь лет с нами. МАрхИ с отличием, стажировка в Германии. Очень талантливая женщина. Александр Владимирович лично курирует ее крупные проекты.

«Лично курирует». «Семь лет». Значит, они знакомы еще дольше, чем у них ребенок.

– Семь лет? Значит, очень опытный сотрудник.

– О да! Карина Станиславовна – наша звезда. Клиенты специально к ней обращаются. Да и Александр Владимирович очень ею доволен, постоянно отмечает ее заслуги.

Смотрю на эту женщину и понимаю: вот она, мать его ребенка. Не какая-то глупая девочка, а серьезная, успешная женщина. Конечно моложе и привлекательней меня. Она не просто любовница – она партнер, равная ему по статусу и амбициям.

– А у нее есть дети? – спрашиваю как можно более небрежно.

– Да, дочка. Хорошенькая такая девочка, иногда после са-

дика заходит к маме в офис с няней. Карина Станиславовна одна ее воспитывает – отец, говорят, женат, но помогает материально.

Женат. Помогает материально. Сижу в этом офисе и слушаю историю своей собственной жизни со стороны, о ней даже секретарь мужа знает больше чем я сама.

В этот момент из переговорной выходит Саша с клиентами. Видит меня и на мгновение каменеет – я вижу, как пробегает тень по его лицу.

– Вика? Что случилось?

– Хотела пригласить тебя на обед, – встаю, стараясь улыбаться. – По случаю завтрашней годовщины.

Саша на секунду растерянно молчит, и я вижу, как его взгляд невольно скользит в сторону Карины.

– Конечно, дорогая. Дай только провожу клиентов.

Он суетится, провожает посетителей, а я наблюдаю за Кариной. Она тоже смотрит в нашу сторону, и в ее глазах я читаю сложную гамму чувств. Любопытство, напряжение, и что-то еще... жалость?

– Карина Станиславовна, – окликает ее Саша, – подготовьте, пожалуйста, документы по проекту Северного комплекса. К вечеру нужно.

– Конечно, Александр Владимирович, – отвечает она голосом профессионала.

Но я вижу, как они смотрят друг на друга. Это не взгляд начальника и подчиненной. Это взгляд людей, между кото-

рыми есть тайна. Общий ребенок. Общая жизнь, спрятанная от меня.

– Пойдем? – Саша берет меня под руку.

В кафе рядом с офисом мы заказываем салаты. Я пытаюсь вести обычную беседу, но в голове крутится одна мысль. у этого человека есть пятилетняя дочь, о которой я ничего не знаю.

– У вас в офисе приятная атмосфера. Карина Станиславовна производит впечатление умной женщины.

– Да, Карина толковый специалист, – Саша избегает моего взгляда. – Растет профессионально.

– А у нее есть семья?

– Дочка есть. Одна воспитывает, – Саша почти незаметно вздрагивает.

– Тяжело, наверное, одной с ребенком.

– Наверное, – он нервно тербит салфетку. – Но справляется.

«Справляется». А ты ей помогаешь, правда, Саша? Материально помогаешь. И не только материально.

– Саш, а помнишь, как мы с Максимом ездили к твоей маме на дачу в прошлом году? Ты тогда не смог, сказал – командировка в Сочи.

– Да... была важная презентация, – лицо Саши становится серым.

– А с кем ездил? Один?

– С командой, – голос звучит неуверенно. – С... с теми,

кто готовил проект.

Врет. И понимает, что я это вижу. Ездил он в отпуск со своей второй семьей, пока я с сыном проводила выходные у свекрови.

Внезапно до меня доходит еще одна деталь. Максим тогда спрашивал: «Мама, а почему папа не может поехать с нами? Раньше он всегда ездил к бабушке» А я защищала Сашу: «У папы важная работа, сынок. Он для нашей семьи старается»

Для нашей семьи. А он в это время строил песочные замки с чужой дочкой на берегу моря.

– Знаешь, Саша, – говорю, глядя ему прямо в глаза, – а ведь Максим скучал по тебе в той поездке. Все спрашивал, почему папа не с нами. Дети так нуждаются во внимании отца, хоть они уже и не маленькие, правда?

– Да... конечно. Жаль, что не получилось поехать, – Саша бледнеет еще больше. В его глазах мелькает что-то похожее на панику.

Жаль. Ему жаль, что он не поехал с сыном, потому что был занят с дочерью от любовницы.

Мы доедаем в тяжелом молчании. Каждый погружен в свои мысли. Я думаю о том, что двадцать лет жизни оказались ложью. А он, наверное, соображает, не заподозрила ли я что-то.

После обеда, прощаясь у офиса, Саша целует меня в щеку. Формально, как дальнего родственника.

– Увидимся вечером, – говорит он.

– Конечно. А может, позвонишь Максиму? Он так редко слышит твой голос.

– Позвоню, – обещает Саша, но в глазах читается раздражение.

Да, конечно позвонишь. Когда у тебя есть маленькая дочка, которой ты читаешь сказки каждый вечер. Иду к машине и думаю: как я могла быть такой слепой? Все эти годы знаки были перед глазами, а я их не замечала. Или не хотела замечать.

Дома звоню Максиму в Лондон. Сын отвечает радостно:

– Мам! Как дела? Как папа?

– Все хорошо, солнце. Как учеба?

– Отлично! Кстати, завтра же ваша годовщина? Поздравляю! Передавай папе привет.

– Обязательно передам.

Слушаю голос сына и думаю: а знает ли он, что у него есть сводная сестра? Пятилетняя девочка по имени Соня, которая тоже называет его отца папой?

Завтра, в день нашей годовщины, я узнаю всю правду. А потом решу, что делать с развалинами своей жизни.

ГЛАВА 3. КРОВАВАЯ ГОДОВЩИНА

Утром я просыпаюсь с четким планом. Сегодня двадцать лет нашего брака, и сегодня я узнаю всю правду. Тест ДНК лежит в сумочке, неопровержимое доказательство того, что мой муж отец чужого ребенка.

Саша ведет себя как обычно: завтракает, листает планшет, собирается на «важные переговоры». Я наблюдаю за ним и поражаюсь: как легко ему врать. Как естественно он играет роль любящего мужа уже двадцать лет.

– Попробую освободиться к вечеру, – говорит он, целуя меня в лоб покровительственным жестом. – Может, успеем поужинать.

– Конечно, дорогой. Буду ждать.

Он уходит, я остаюсь с мыслью: сегодня последний день, когда я жена Александра Романова. Завтра я буду кем-то другим.

В три часа дня я еду в центр города. По адресу, который нашла в соцсетях Карины. Детский сад «Сказка» – частное дошкольное учреждение для детей состоятельных родителей. Паркуюсь напротив и жду.

В половине пятого начинается движение. Родители приезжают за детьми. Через десять минут я вижу знакомую фигуру-

ру. Карина идет к входу быстрым шагом. Красивая, уверенная в себе женщина. Никакой спешки, никакой суеты, она точно знает, что делает.

Еще через пять минут она выходит, держа за руку девочку. Маленькая, кудрявая, в розовой курточке. Я вглядываюсь в детское лицо и замираю. Глаза. У нее глаза Саши. Тот же разрез, и наверняка тот же серо-зеленый цвет. Такие же были у Максима в детстве.

Это его дочь. Без всяких сомнений.

Но это еще не все. Через минуту к ним подходит мужчина. Мой муж. Он обнимает Карину, целует в губы, а потом наклоняется к девочке.

– Папочка! – слышу я детский голосок через приоткрытое окно машины.

– Привет, моя принцесса! – Саша поднимает дочь на руки, кружит ее. – Как дела в садике?

– Хорошо! Мы сегодня рисовали свой дом!

– Правда? А какой он получился?

– Красивый! С мамой и с тобой!

У меня перехватывает дыхание. Дом с мамой и папой. Семья. Они настоящая семья, а я что? Помеха? Пережиток прошлого?

Они идут к детской площадке рядом с садиком. Саша качает дочку на качелях, Карина смеется, поправляет ей курточку. Идиллия. Счастливая семья на прогулке.

Выхожу из машины и иду к ним. Сердце колотится так

сильно, что, кажется, сейчас выскочит из груди. Ноги подкашиваются, но я заставляю себя идти.

Саша замечает меня первым. Лицо его становится белым как мел.

– Вика... – выдыхает он.

– Папа, кто эта тетя? – спрашивает девочка, глядя на меня большими серо-зелеными глазами.

Карина тоже поворачивается. В ее взгляде вижу страх, растерянность, но не раскаяние. Она знала о моем существовании. Знала, что разрушает чужую семью.

– Саша, – говорю максимально спокойным голосом, – представь меня своей дочери.

– Вика, это не...

– Не что? – в моем голосе появляются стальные нотки. – Не твоя дочь? Тогда объясни мне тест ДНК, который я нашла в твоих документах.

Тишина. Даже ветер словно замолк. Карина бледнеет, берет девочку, снимает с качели.

– Соня, иди поиграй в песочнице, – тихо говорит она.

– Но мама...

– Иди, малышка. Взрослые хотят поговорить.

Девочка неохотно отходит к песочнице, но продолжает оглядываться на нас.

– Ну? – спрашиваю я, глядя мужу в глаза. – Двадцать лет брака, и у тебя есть пятилетний ребенок от другой женщины. Объясни мне это.

Саша проводит рукой по лицу. В его глазах уже нет страха, только раздражение.

– Хорошо. Да, это моя дочь. Да, я люблю Карину. И да, мы живем вместе уже шесть лет.

Слова бьют как пощечины. Шесть лет. Половина жизни Максима в старших классах прошла под ложью отца.

– Шесть лет ты врал мне в глаза. Шесть лет я была душой, которая верила в счастливый брак.

– Ты не понимаешь...

– Что я не понимаю? – повышаю голос, и несколько прохожих оглядываются. – Что мой муж шесть лет содержит вторую семью? Что пока я мечтала о втором ребенке, ты его уже воспитывал с другой?

– Хватит истерики! – огрызается Саша. – Ты хочешь правду? Получи. Да, у меня есть дочь от Карины. Да, я ее люблю больше, чем когда-либо любил тебя. Потому что с ней я чувствую себя живым!

Каждое слово как нож в сердце. Но это еще не все.

– А знаешь почему? – Саша входит в раж, и в его голосе появляется жестокость, которую я никогда раньше не слышала. – Потому что она женщина, а не высохшая домохозяйка. Потому что с ней интересно в постели, а не лежать как бревно. Потому что она не станет развалиной в сорок четыре года!

Меня словно ударили кувалдой по голове. Развалина. Бревно в постели. Высохшая домохозяйка. Это говорит муж-

чина, с которым я прожила двадцать лет. Которому родила сына. За которого боролась, когда он начинал бизнес.

– Саша... – Карина пытается его остановить, но он не слышит.

– Ты думала, я не замечаю, как ты постарела? Как появились морщины, как обвисла грудь? Карина дает мне то, что ты давно не можешь: молодость, страсть, восхищение. Она смотрит на меня как на героя, а не как на дойную корову!

Стою и слушаю, как рушится не только мой брак, но и моя самооценка. Каждое слово – это удар по самым болезненным местам. По страхам, которые я старалась не замечать. По комплексам, которые копились годами.

– Папа, почему ты кричишь? – Соня подбегает к нам, испуганная.

– Ничего, малышка, – Саша тут же меняется в лице, берет дочь на руки. – Папа просто объяснял тете, что у него теперь новая семья.

Новая семья. А старая что – на выброс?

– Саша, – говорю дрожащим голосом, – а что Максим? Твой сын? Он на выброс как и старая семья?

– Максим взрослый. Он поймет, – в его голосе нет ни грамма сожаления. – Он давно живет своей жизнью в Лондоне. А здесь моя настоящая семья.

Настоящая семья. Значит, двадцать лет с Максимом и мной – это была ненастоящая жизнь?

– Вика, – Карина делает шаг вперед, – я не хотела, чтобы

вы узнали таким образом...

– Заткнись! – взрываюсь я. – Шесть лет ты знала о моем существовании и молчала! Шесть лет ты была соучастницей этого обмана!

– Я люблю его...

– Любишь? – смеюсь, но смех получается истерический. – Ты любишь женатого мужчины, который обманывает жену! Что ты будешь делать, когда он найдет кого-то моложе тебя?

– Хватит! – Саша ставит дочь на землю. – Карина, уводи Сою. А ты, Вика, прекращай устраивать спектакли на людях.

Спектакли? Я узнаю о шестилетнем обмане, а это спектакль?

– Саша, – смотрю ему прямо в глаза, – собери свои вещи и убирайся из моего дома. Сегодня же.

– Из твоего дома? – он усмехается. – Напомню, он оформлен на нас двоих. И я не собираюсь никуда уходить.

– Тогда уйду я. Но знай – *ты меня потерял навсегда.*

– Да пошла ты! – рявкает он. – Думаешь, я буду бегать за тобой? У меня есть женщина, которая меня ценит!

Поворачиваюсь и иду к машине. Ноги дрожат, перед глазами все плывет. За спиной слышу голос Сони:

– Мама, а почему тетя плачет?

– Не обращай внимания, малышка. Некоторые люди не умеют радоваться чужому счастью.

Чужому счастью. Мое несчастье – это их счастье.

Добираюсь до машины, сажусь за руль и только тогда понимаю, что рыдаю. Навзрыд, как ребенок. Двадцать лет жизни оказались ложью. Мужчина, которого я любила, считает меня развалиной. А его новая семья строится на руинах моего счастья.

Еду домой и думаю: что делать дальше? Как жить с этой болью? И главное – как объяснить Максиму, что его отец предал нас всех

ГЛАВА 4. НОЧЬ РАЗРУШЕНИЯ

Дома меня встречает тишина.

Пустые комнаты, где каждая вещь напоминает о Саше. Его тапочки у кровати. Кружка с надписью «Лучший папа» – подарок Максима на прошлый День отца. Теперь понимаю, какой горькой иронией это было. Лучший папа для одного ребенка, и предатель для другого.

Сажусь на диван и пытаюсь осмыслить то, что услышала несколько часов назад. «Развалина в сорок четыре года». «Бревно в постели». «Высохшая домохозяйка». Каждое слово отзывается болью в груди.

Встаю и иду к зеркалу в прихожей. Смотрю на себя его глазами. Да, я больше не та молодая девушка, которой он делал предложение. Есть морщинки вокруг глаз – следы смеха и забот. Фигура уже не та, что была до рождения Максима. Грудь действительно не такая упругая, как у тридцатилетней Карины.

Но неужели это все, что он во мне видел последние годы? Увядающую женщину, которую пора сдать в утиль?

Телефон звонит. Саша.

– Вика, нам нужно поговорить спокойно, – говорит он тоном, каким разговаривают с истеричными детьми.

– О чем говорить?

– О нашем будущем. О том, как мы будем жить дальше.

Как мы будем жить? После того, что он мне сказал?

– Саша, какое «мы»? Ты же сам сказал – у тебя есть новая семья.

– Ну зачем же так категорично... Мы можем найти компромисс.

Компромисс? Он хочет компромисса после шести лет обмана?

– Какой компромисс?

– Ну... можем оформить развод, но остаться друзьями. Ради Максима.

– Ради Максима? – чуть не смеюсь от абсурдности. – Ты хочешь, чтобы я спокойно смотрела, как ты воспитываешь другого ребенка, и при этом оставалась твоим другом?

– Вика, не усложняй. У нас есть общая история, общий сын...

– У тебя есть общая дочь с другой женщиной! – срываюсь на крик. – Пока я мечтала о втором ребенке, ты его уже растил!

– Это случилось само собой...

– Ничего не случается само собой! Ты сознательно строил вторую семью, врал мне годами!

– Да что тебе от меня нужно? – в его голосе появляется раздражение. – Я честно сказал, что люблю другую. Не все же мужчины на это способны!

Честно сказал. После шести лет обмана.

– Убирайся из моего дома, – говорю я и кладу трубку.

Он перезванивает несколько раз, но я не беру трубку. Потом приходят сообщения:

«Ты ведешь себя как ребенок»

«Мы взрослые люди, должны решить все цивилизованно»

«Не порть отношения с Максимом из-за своих обид»

Мои обиды. Двадцать лет преданности – это мои обиды.

В девять вечера звоню Максиму в Лондон. Сын отвечает радостно:

– Мам! Как дела? Как прошла годовщина?

У меня перехватывает дыхание. Как рассказать ему правду? Как сказать, что его отец – лжец и предатель?

– Максим, сынок... у нас с папой проблемы.

– Какие проблемы? – в голосе появляется тревога.

– Мы... мы разводимся.

Тишина. Долгая, тяжелая тишина.

– Из-за чего? – наконец спрашивает сын.

Я не могу сказать ему про Карину и Соню. Не могу разрушить его веру в отца одним звонком.

– У нас разные взгляды на будущее. Мы стали чужими людьми.

– Мам, а может, вы помиритесь? Подумаете еще?

– Нет, солнце. Некоторые вещи нельзя исправить.

– А что со мной? Где я буду жить на каникулах?

– У меня. Ты всегда будешь дома у меня.

– А папа?

– С папой ты тоже можешь видеться, когда захочешь.

Я не говорю ему, что у папы теперь другая семья. Что у него есть сводная сестра. Пусть Саша сам найдет слова, если хватит совести.

– Мам, ты плачешь?

– Немного. Но все будет хорошо. Я обещаю.

– Хочешь, я приеду?

– Не надо, у тебя учеба. Я справлюсь.

– Мама, я тебя люблю.

– И я тебя, мой хороший.

Отключаюсь и понимаю: я солгала. Максиму, и себе. Ничего не будет хорошо. Я не знаю, как справляться с этой болью. В одиннадцать вечера звонит Сима. Моя единственная близкая подруга, которая прошла через развод три года назад.

– Вика, что случилось? Что с голосом, ты плачешь?

Я рассказываю все. Про тест ДНК, про Карину и Соню, про жестокие слова Саши в парке. Сима слушает молча, только изредка ахает.

– Сука он, – резюмирует она, когда я заканчиваю. – Конечная сука. Как он мог такое говорить? Вот же скотина!

– А вдруг он прав? – всхлипываю я. – Вдруг я действительно стала непривлекательной? Неинтересной?

– Ты что, с ума сошла? – Сима почти кричит. – Викуша, он это говорил, чтобы тебя добить! Чтобы переложить вину с себя на тебя!

– Но что-то же его оттолкнуло...

– Его ничего не оттолкнуло! Просто появился новый объект для охоты. Мужчины как дети – увидели новую игрушку и забыли про старую.

– Новая игрушка родила ему дочь...

– И что? Это делает его поступок лучше? Вика, он предатель. Он обманул тебя, сына, даже эту Карину обманул небось.

– Почему Карину?

– Да потому что наверняка обещал ей развестись и жениться. А вместо этого шесть лет водил за нос и тебя, и ее.

В словах Симы есть смысл. Но легче от этого не становится.

– Сим, а что если я больше никому не буду нужна? Кому нужна разведенка в сорок четыре года?

– Прекрати! Тебе сорок четыре, а не семьдесят четыре! Ты красивая, умная, успешная женщина. У тебя вся жизнь впереди.

– Но...

– Сейчас приеду.

– Не надо, поздно уже...

– Еду. Будешь дуреть в одиночестве – натворишь глупостей.

Сима приезжает через час с бутылкой хорошего вина и пакетом мороженого.

– Классический набор для переживания разводов, – объясняет она.

Мы сидим на кухне, пьем вино, и я плачу. Рассказываю подруге о том, как больно слышать правду о себе. О том, что двадцать лет оказались пустышкой. О том, что не знаю, кто я теперь – если не жена Саши.

– А кем ты была до него? – спрашивает Лена.

– Молодой дуручкой, которая думала, что любовь навсегда.

– Нет. Ты была талантливой студенткой дизайнерского факультета. Помнишь, как преподаватели хвалили твои проекты?

– Это было так давно...

– И что? Талант никуда не делся. Ты прекрасный дизайнер, у тебя куча клиентов. Ты самостоятельная, успешная женщина.

– Которую бросил муж ради молодой любовницы.

– Которая освободилась от мужа-лжеца и получила шанс на настоящее счастье.

Настоящее счастье? После сегодняшнего дня в это верится с трудом.

– Сим, а ты не думала... ну, покончить с собой? Когда разводилась?

Подруга ставит бокал и смотрит на меня серьезно:

– Думала. Одну ночь сидела с пачкой таблеток и думала, а зачем жить дальше? А потом поняла, нахрен ему такая победа. Чтобы он гулял на моих поминках с новой сучкой?

– А если больше не будет никого?

– Будет. Но даже если не будет – ты все равно лучше, чем когда была с этим говнюком. По крайней мере, больше никто не будет тебе врать и унижать.

Мы разговариваем до утра. Сима рассказывает, как она восстанавливалась после развода. Как училась жить одна, как строила карьеру, как нашла себя.

– Знаешь, что самое важное? – говорит она под утро. – Не мстить. Не опускаться до его уровня. Просто жить лучше, чем с ним. Это лучшая месть.

– А как жить лучше, если чувствуешь себя выжатым лимоном?

– По чуть-чуть. День за днем. Сначала просто вставать с кровати. Потом завтракать. Потом работать. А через год оглянешься и поймешь, что ты стала другим человеком. Сильнее и счастливее.

Утром Сима уезжает на работу, а я остаюсь одна. Первое утро моей новой жизни. Жизни без лжи, но и без иллюзий. Иду в ванную, смотрю на себя в зеркало. Опухшие от слез глаза, взъерошенные волосы. Не развалина, но и не красавица.

– Ничего, – говорю своему отражению. – Начнем заново. С завтрашнего дня начнем новую жизнь.

Именно с завтрашнего дня. Потому что сегодня я еще слишком разбита, чтобы что-то менять. Сегодня просто переживу.

А завтра... завтра посмотрим.

ГЛАВА 5. ВОЙНА ЗА ДОСТОИНСТВО

Утром просыпаюсь с чувством, будто меня переехал грузовик. Голова раскалывается, глаза опухшие, во рту привкус горечи. Но есть и что-то еще – злость. Чистая, яркая злость, которая жжет изнутри.

Саша думает, что сломал меня вчерашними словами. Что я буду рыдать и умолять о прощении. Он ошибается. Первым делом звоню адвокату. Ольга Васильевна специализируется на разводах и знает свое дело, назначаем встречу.

– Расскажите все по порядку, – говорит она, включая диктофон.

Рассказываю. Про измену, про вторую семью, про то, что Саша имеет пятилетнюю дочь. Ольга Васильевна записывает, периодически кивает.

– Понятно. Имущество какое?

– Квартира в совместной собственности. Дом тоже в совместной. Машина на нем. У меня своя студия – в аренде. Сбережения около миллиона рублей пополам.

– А кто больше зарабатывает?

– Последние годы примерно одинаково. Он архитектор, у меня дизайнерская студия.

– Дети?

– Сын девятнадцать лет, учится в Лондоне. Официально проживает с нами, но фактически самостоятельный.

Ольга Васильевна записывает, потом снимает очки и смотрит на меня внимательно.

– Ваши шансы хорошие. Измена, сокрытие доходов, это в вашу пользу. Можете претендовать на большую часть имущества.

– А он может что-то требовать?

– Может. И наверняка будет. Готовьтесь к тому, что он попытается обвинить вас в чем угодно: от алкоголизма до супружеской неверности.

В тот же день Саша звонит. Голос деловой, холодный.

– Вика, я говорил с адвокатом. Мне сказали, что ты подала на развод.

– А ты на что рассчитывал?

– Думал, остынешь, подумаешь здраво. Ну ладно. Давай решим все цивилизованно.

– Я на это надеюсь.

– Тогда слушай мои условия. Квартиру продаем, делим пополам. Дом оставляешь мне – она мне нужнее. Машину забираю я. Из сбережений тебе половина.

Условия наглые, но это еще не все.

– И еще. Я претендую на долю в твоей студии.

– Что?!

– Студия развивалась благодаря моим связям. Половина твоих клиентов, это мои знакомые. Это мой вклад в твой биз-

нес.

– Саша, ты что, охренел? Студия полностью моя!

– Нет, дорогая. Я тебя морально поддерживал, помогал советами, знакомил с людьми. Без меня твоя карьера не состоялась бы.

У меня перехватывает дыхание от наглости. Студия, которую я создавала своими руками, работая по четырнадцать часов в сутки, это его заслуга?

– Ты больной?

– Я реалист. И еще – я требую компенсацию за то, что содержал тебя последние двадцать лет.

– Содержал меня? Я работала наравне с тобой!

– Работала, но на моей базе. На моих связях. Пора возвращать долги.

Сбрасываю звонок, не выдержав его наглости, звоню адвокату.

– Готовьтесь к войне, – говорит она после того, как я пересказываю разговор. – Он будет биться за каждый рубль. И попытается вас морально сломать.

– Но ведь его требования абсурдны?

– Абсурдны, но в суде всякое бывает. Нужно собирать документы, доказывающие, что студия, это исключительно ваша заслуга.

Следующие дни я провожу в архивах. Достаяю все договоры, счета, документы о регистрации студии. Звоню клиентам, прошу подтвердить письменно, откуда они обо мне

узнали. Большинство – из сарафанного радио, по рекомендациям других клиентов. Никакого участия Саши.

Но это только начало. Через неделю Ольга Васильевна звонит с новостями:

– Ваш супруг подал встречный иск. Требуется признать вас недееспособной по причине алкогольной зависимости и психических расстройств.

– Что?!

– Утверждает, что вы пьете, устраиваете скандалы, угрожаете самоубийством. Просит назначить психиатрическую экспертизу.

У меня темнеет в глазах. Алкоголичка? Психически больная? До чего он готов пойти, чтобы получить мое имущество?

– Это же бред!

– Конечно, бред. Но придется опровергать. Нужны справки от нарколога, психиатра, свидетельские показания.

– А еще что он придумал?

– Обвиняет в супружеской измене. Говорит, что у вас был роман с клиентом два года назад.

– С каким клиентом?

– Антон Сергеевич Блинов, предприниматель. Якобы вы проводили с ним подозрительно много времени во время работы над его офисом.

Антон Блинов. Да, был такой клиент. Крупный заказ, мы действительно много общались. Но роман? Даже мысли та-

кой не было!

– Ольга Васильевна, это клевета!

– Знаю. Но клевету тоже нужно опровергать. Хорошо, что у вас есть все рабочие документы, переписка по проекту. Докажем, что отношения были исключительно деловыми.

Вечером звонит Сима.

– Вика, ты как? Слышала, что Саша совсем озверел.

– Откуда знаешь?

– Общие знакомые рассказали. Говорит всем, что ты сошла с ума от ревности. Что пьешь, угрожаешь ему и его девушке.

– Девушке? – у меня перехватывает дыхание. – Он уже называет ее девушкой?

– Не только. Говорит, что вы давно живете как чужие люди. Что он несколько лет пытался спасти брак, но ты стала невыносимой.

– Сука! – вырывается у меня. – Какая же он сука!

– Вика, главное – не поддавайся на провокации. Он сознательно тебя бесит, чтобы ты наделала глупостей.

– Каких глупостей?

– Ну, например, пришла к ним домой устраивать разборки. Или начала названивать им по ночам. Тогда он скажет, вот видите, она действительно неадекватная.

В словах Симы есть логика. Саша играет долгосрочную игру. Хочет представить меня неуравновешенной истеричкой, а себя – жертвой обстоятельств.

– А что говорят люди?

– По-разному. Мужчины в основном его поддерживают, мол, мужик имеет право на счастье. Женщины больше тебе сочувствуют.

– А что конкретно он рассказывает?

– Что ты стала холодной, неинтересной. Что отказывалась от близости, зациклилась на работе. Что он годами пытался наладить отношения, но ты его отталкивала.

Каждое слово как плевков в лицо. Он переписывает историю нашего брака, делая из меня плохую жену, а из себя великого страдальца.

– Сима, а вдруг в чем-то он прав? Может, я действительно была плохой женой?

– Прекрати! Ты была отличной женой! Родила ему сына, поддерживала в трудные времена, вела хозяйство, строила карьеру. А он что? Врал и изменял!

– Но что-то же его оттолкнуло...

– Его ничего не оттолкнуло! Просто появилась возможность, и он ею воспользовался. Мужчины все такие, только одни сдерживаются, а другие – нет.

На следующий день иду к психиатру за справкой. В очереди сижу рядом с настоящими больными и думаю: до чего дошла моя жизнь. Мне нужно доказывать, что я не сумасшедшая, потому что муж хочет отнять мои деньги.

Врач пожилая женщина с добрыми глазами проводит беседу, назначает тесты.

– Вы абсолютно здоровы, – говорит она в конце. – Естественная реакция на стресс, но никаких психических отклонений.

– А можно это написать в справке?

– Конечно. А что, есть сомневающиеся?

– Бывший муж пытается доказать, что я неадекватная.

– Понятно. К сожалению, это частая история. Мужчины думают, что если женщина не соглашается на их условия, значит, она больная.

Наркологическая справка проще, я никогда не пила больше бокала вина по праздникам. Зато приходится собирать показания свидетелей. Звоню клиентам, знакомым, соседям. Прошу подтвердить, что я адекватная, трезвая, работоспособная.

Унизительно. Но необходимо.

Через месяц первое судебное заседание. Я прихожу с Ольгой Васильевной, он – с каким-то молодым адвокатом. Выглядит Саша отлично: костюм, галстук, уверенная улыбка. Я в строгом черном платье, стараюсь держаться с достоинством.

Судья женщина лет шестидесяти, выслушивает исковые требования. Саша просит признать меня частично недееспособной и ограничить в правах распоряжения имуществом.

– На каком основании? – спрашивает судья.

– Ваша честь, супруга моего доверителя в последние годы страдает алкогольной зависимостью и психическими рас-

стройствами, – говорит адвокат Саши. – Она неадекватно реагирует на жизненные ситуации, угрожает самоубийством, устраивает скандалы.

– У вас есть доказательства?

– Есть показания свидетелей...

Ольга Васильевна встает:

– Ваша честь, у нас есть справки от нарколога и психиатра, подтверждающие полную дееспособность моей подзащитной. А также показания свидетелей ее адекватного поведения.

Заседание откладывается на месяц для изучения документов. Выходя из суда, я чувствую себя выжатой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.